

На правах рукописи

КАШКИН ЕГОР ВЛАДИМИРОВИЧ

**ЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ФАКТУРЫ ПОВЕРХНОСТЕЙ
(ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ
КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЗНАКОВ В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ)**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Москва – 2013

Работа выполнена на кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ: доктор филологических наук, профессор,
Ариадна Ивановна Кузнецова

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ: **Татьяна Борисовна Агранат**
доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора финно-угорских языков ФГБУН «Институт языкознания РАН»

Екатерина Владимировна Рахилина
доктор филологических наук, профессор,
руководитель направления «Фундаментальная и прикладная лингвистика» факультета филологии ФГАОУ ВПО Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»

Защита диссертации состоится «__» _____ 20__ г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.24 при ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» по адресу: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-ый учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Автореферат разослан «__» _____ 20__ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А. М. Белов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Предметом исследования в диссертации является семантика лексем, служащих наименованиями качественных признаков и описывающих фактуру поверхности, характеризуя ее с точки зрения наличия или отсутствия неровностей (как русские прилагательные, выделенные в словосочетаниях *скользящая дорога, гладкий камень, ровное поле, шершавая ладонь, шероховатая доска*)¹. Исследование выполнено на материале десяти уральских языков (финского, эстонского, эрзянского, мокшанского, марийского, коми-зырянского, удмуртского, венгерского, хантыйского, ненецкого), а также пяти языков других семей, привлекаемых в качестве типологического фона (русского, английского, испанского, китайского, корейского). Рассматриваются как прямые, так и переносные употребления лексем данного класса.

Под «наименованиями качественных признаков» подразумеваются прототипически прилагательные, но в ряде случаев анализируются и слова других грамматических разрядов, выражающие по сути ту же семантику: наречия (ср. венгерское наречие *egyenletesen* ‘равно’, образованное от прилагательного *egyenletes* ‘равный’), стивные глаголы (ср. ненецкий глагол *насортъсь* ‘быть шершавым’), идеофоны (ср. идеофоны на *чаж-*, описывающие в северноудмуртских говорах определенный тип негладкой поверхности).

Исследуемые лексемы делятся в работе на два класса: лексемы со значением отсутствия неровностей и лексемы со значением наличия неровностей. В первый класс входят слова, аналогичные по семантике русским прилагательным *скользящий, гладкий* и *ровный*. Мы не рассматриваем подробно русское слово *плоский* и его аналоги в других языках, поскольку оно первично описывает не фактуру поверхности, а форму предмета² (останавливаясь на употреблении таких слов мы только для тех контекстов, в которых они описывают некоторые типы поверхностей, сближаясь в этом случае по семантике с прилагательным *ровный* и его аналогами). Также нами не анализируются прилагательные типа *осклизлый*, которые описывают наличие постороннего вещества на поверхности, но не дают ее однозначной характеристики с точки зрения наличия или отсутствия неровностей.

Состав второго класса (лексем наличия неровностей) отличается бóльшим богатством, что объясняется присутствием в их семантике дополнительного

---

¹ Слово «фактура» используется нами для наименования исследуемого класса лексем вслед за работой *Шрамм А. Н.* Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка) – Л., 1979, с. 21 – 27. Там выделяется класс прилагательных, которые описывают «фактуру поверхности, характеризуемую ровностью-неровностью» (*гладкий, ровный, морщинистый* и т.п.), и другой класс прилагательных, которые описывают «фактуру поверхности с точки зрения отсутствия на ней чего-л.» (пары вроде *чистый – грязный, лысый – волосатый* и т.п.). Наша работа посвящена первому из указанных классов. В дальнейшем мы, чтобы уменьшить громоздкость формулировки, обозначаем входящие в этот класс лексемы как характеризующие просто «фактуру поверхностей».

² См. подробнее Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ред. *Апресян Ю. Д.* М.-Вена, 2004. С. 982 – 986; *Спиридонова Н. Ф.* Плоский, прямой и ровный, или как трудно описать форму предмета // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. *Апресян Ю. Д.* – М., 2004. С. 235 – 241.

компонента – собственно неровностей, свойства которых оказываются вариативными, и часто за лексемой закрепляется обозначение узкого класса неровностей на поверхности узкого класса объектов. Подтверждением служит уже русский материал (ср. прилагательные *бугристый, кочковатый, сучковатый, ухабистый, холмистый* и пр.), аналогичная ситуация наблюдается и в уральских языках. Мы не рассматриваем подобные лексемы с узкой семантикой (во-первых, потому, что они соответствуют особому классу контекстов, где, как правило, не используются лексемы с широкой сочетаемостью типа *шершавый*; во-вторых, потому, что характеризуемые ими объекты достаточно специфичны и далеко не всегда универсальны для носителей всех языков) и сосредотачиваемся на лексемах с широкой семантикой и сочетаемостью (ср. рус. *шершавый язык, шероховатое дерево, грубая кожа*).

Целью работы является исследование принципов, в соответствии с которыми организована семантическая область фактуры поверхностей в привлеченных к анализу языках, и типологически ориентированное описание семантики соответствующих лексем в выбранных уральских языках. Выполнение этой цели предполагает решение следующих **задач**:

- определить набор ситуаций (или, в принятой в работе терминологии, фреймов), релевантных для противопоставления лексем, описывающих фактуру поверхностей, в проанализированных языках;
- определить общее устройство системы этих фреймов;
- определить набор переносных употреблений, развиваемых лексемами со значением фактуры поверхностей;
- определить группы переносных употреблений, развиваемых лексемами, входящими в различные классы исходных значений;
- на основе выделенных закономерностей описать системы лексем, описывающих фактуру поверхностей, в анализируемых уральских языках.

Актуальность работы определяется, во-первых, происходящим в последние годы бурным ростом интереса к лексической типологии (ср. работы о семантических группах движения в воде³, разделения объекта⁴, боли⁵, еды и питья⁶, вращения⁷, звучания⁸ и др.); во-вторых, востребованностью работы для ведущихся сейчас исследований тех закономерностей, которым подчиняется семантика наименований качественных признаков (и на материале русского языка – см. [Карпова и др. 2010]⁹ о Базе данных по многозначным

³ Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.) Глаголы движения в воде: лексическая типология – М., 2007.

⁴ Majid A., Bowerman M., Van Staden M., Boster J. The semantic categories of cutting and breaking events: a crosslinguistic perspective // Cognitive linguistics, 18 – 2 (2007). P. 133 – 152.

⁵ Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М. (ред.) Концепт БОЛЬ в типологическом освещении – Киев, 2009.

⁶ Newton J. (ed.) The linguistics of eating and drinking – Amsterdam, 2009.

⁷ Круглякова В. А. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. Дисс ... к.ф.н. – М.: РГГУ, 2010.

⁸ Рахилина Е. В. Звуки Му // Проблемы грамматики и типологии. Сб. статей памяти В. П. Недалкова (1928 – 2009) – М., 2010. С. 283 – 302.

⁹ Карпова О. С., Резникова Т. И., Архангельский Т. А., Кюсева М. В., Рахилина Е. В., Рыжова Д. А., Тагабилева М. Г. База данных по многозначным качественным прилагательным и наречиям русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной

качественным прилагательным и наречиям русского языка; и в типологическом аспекте – см. типологические работы о семантическом поле температуры¹⁰, о лексемах ‘острый’ – ‘тупой’¹¹, о лексемах ‘полный’ – ‘пустой’¹², и нек. др.).

Научная новизна диссертации определяется тем, что, во-первых, семантическая группа фактуры поверхностей ранее не изучалась на материале уральских языков; во-вторых, на сегодняшний день не создано ни одного типологического исследования данной группы. Имеется лишь ряд работ, описывающих отдельные слова с такой семантикой в русском, английском и польском языках, а также исследования семантических переходов лексем со значением ‘ровный’ в английском и немецком языках. Уже в период работы над настоящей диссертацией были проведены исследования данного семантического поля в корейском и испанском языках¹³, однако они сосредоточены на описании данных конкретных языков и не содержат более широких типологических обобщений.

На защиту выносятся следующие положения:

- Группы наименований качественных признаков, описывающих фактуру поверхностей, устроены в исследуемых языках системно и противопоставляются по ограниченному числу фреймов (базовых ситуаций).
- Развитие метафор из указанной семантической области коррелирует с исходным классом лексемы, образуя регулярно повторяющиеся в разных языках модели.
- Категоризация семантических зон отсутствия и наличия неровностей устроена асимметрично.
- Изучение набора родственных языков релевантно для лексической типологии и может служить базой для более широкого типологического исследования.

Теоретически значимыми результатами исследования являются, во-первых, созданный нами формат описания лексем, описывающих фактуру поверхностей (см. анкету в Приложении 1), который может быть использован при работе с другими языками; во-вторых, выявление и описание асимметрии между устройством системы лексем со значением отсутствия неровностей и системы лексем со значением наличия неровностей; в-третьих, доказательство методологических преимуществ включения большого числа родственных языков в выборку лексико-типологического исследования.

Практическое значение работы определяется тем, что ее результаты могут быть использованы, во-первых, в лексикографии при составлении

Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16) – М., 2010. С. 163 – 168.

¹⁰ *Koptjevskaja-Tamm M.* The Linguistics of Temperature. Amsterdam, Philadelphia, Benjamins, forthc.

¹¹ *Кюсева М. В.* Лексическая типология семантических сдвигов названий качественных признаков ‘острый’ и ‘тупой’. Дипломная работа – М.: МГУ, 2012.

¹² *Тагабилева М. Г., Холкина Л. С.* Качественные признаки ‘пустой’ и ‘полный’ в типологическом освещении // *Acta Linguistica Petropolitana* (Труды Института лингвистических исследований РАН). Т. 6, ч. 3. – СПб., 2010. С. 167 – 169.

¹³ *Иванова Е. Ю.* Нетривиальные свойства поверхностей как топологических объектов: материалы к лексической типологии (русские и корейские прилагательные). Дипломная работа – М.: РГГУ, 2011; *Спесивцева А. А.* Семантика прилагательных, описывающих качества поверхности, и прилагательных со значением «пустой» и «полный» (на материале испанского языка). Дипломная работа – М.: РГГУ, 2012.

описаний лексем, характеризующих фактуру поверхностей; во-вторых, в исследованиях по семантической реконструкции, выполняемых на материале уральских языков; в-третьих, при изучении лексем, описывающих фактуру поверхностей, в не вошедших в выборку языках; в-четвертых, в преподавании учебных курсов по лексической семантике и типологии или по уралистике.

Теоретической базой исследования послужили работы Московской семантической школы (Ю. Д. Апресян, Е. В. Падучева, Г. И. Кустова и др.), а также работы по лексической типологии, выполненные в рамках т. н. «фреймового подхода» (Е. В. Рахилина, В. А. Плунгян, Т. И. Резникова, Т. А. Майсак и др.). При построении семантических карт мы опирались на работы М. Хаспельмата, В. А. Плунгяна, Й. ван дер Ауверы, С. Г. Татевосова.

Выводы работы основаны на **материале**, во-первых, десяти уральских языков: финского, эстонского; марийского, эрзянского, мокшанского; коми-зырянского, удмуртского; хантыйского, венгерского; ненецкого (кроме того, для некоторых из этих языков привлекались данные разных диалектов); во-вторых, пяти языков других семей, привлекаемых в качестве фона для оценки типологической релевантности выводов, сделанных на уральском материале: русского, английского, испанского, корейского и китайского.

Материал уральских языков собирался автором настоящей диссертации в первую очередь **методом** анкетирования информантов (в полевых условиях, а также в ходе личных встреч либо общения в интернете) и, кроме того, путем работы со словарями и с корпусами либо с электронными поисковыми системами¹⁴. Материал русского языка собран на основании данных словарей, опубликованных работ ([НОСС 2004]¹⁵, [Спиридонова 2004]¹⁶), Национального корпуса русского языка и путем опроса носителей. Материал испанского языка приводится по данным [Спесивцева 2012]¹⁷, корейского языка – по данным [Иванова 2011]¹⁸ (при этом авторы упомянутых работ по испанскому и корейскому языкам опирались в том числе на достигнутые в то время результаты нашего типологического исследования). Материал английского и китайского языков получен от специалистов по этим языкам (О. И. Виноградовой для английского языка и Л. С. Холкиной для китайского¹⁹), заполнявших разработанную лично автором настоящей работы анкету при работе со словарями, корпусами и информантами.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были изложены на Международном форуме молодых ученых «Ломоносов» (г. Москва, 2011 г.), конференции «Проблемы компьютерной

---

¹⁴ Материал по финскому языку и по тазовскому говору ненецкого языка автору настоящей работы помогали собирать (по анкете, составленной лично автором данной работы) специалисты по этим языкам – Н. А. Муравьев для финского языка и И. А. Стенин для ненецкого. Все окончательные интерпретации финского и ненецкого материала принадлежат лично автору настоящей работы.

¹⁵ Указ. соч.

¹⁶ Спиридонова Н. Ф. Указ. соч.

¹⁷ Спесивцева А. А. Указ. соч.

¹⁸ Иванова Е. Ю. Указ. соч.

¹⁹ Подробное описание китайских данных о поле фактуры поверхностей (как и о ряде других полей) см. также в Холкина Л. С. Категория качества в китайской лексике: опыт типологического описания. Дисс ... к.ф.н. – М., forthc.

лингвистики» (г. Воронеж, 2011 г.), международной конференции «XXVI Дульзоновские чтения» (г. Томск, 2011 г.), Восьмой и Девятой Конференциях по типологии и грамматике для молодых исследователей (г. Санкт-Петербург, 2011, 2012 гг.), конференции «Проблемы лингвистической прогностики» (г. Воронеж, 2012 г.), Международной конференции по ареальной лингвистике, грамматике и языковым контактам (Эстония, г. Тарту, 2012 г.), III Международном коллоквиуме по лексической типологии (Испания, г. Гранада, 2012 г.), международной конференции «Лингвистическая типология: методы и направления исследований» (Украина, г. Каменец-Подольский, 2013 г.), X Конференции Ассоциации лингвистической типологии (Германия, г. Лейпциг, 2013 г.), II Конференции-школе «Проблемы языка: взгляд молодых ученых (г. Москва, 2013 г.)». Работа прошла обсуждение на заседании кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. По теме диссертации опубликовано семь работ, в том числе три в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Работа состоит из Введения, четырех Глав, Заключения, двух Приложений и Библиографии. Во Введении дается общая характеристика диссертации. Глава 1 содержит обзор литературы и изложение теоретико-методологической базы исследования. Главы 2 и 3 посвящены принципам, которым следует организация систем лексем, описывающих фактуру поверхностей (на материале как уральских языков, так и языков типологического фона): в Главе 2 обсуждаются прямые употребления, в Главе 3 – переносные. В этих двух Главах вводятся те основные понятия и тот формат описания лексем, которые затем используются в Главе 4, где содержится детальное описание данных каждого из проанализированных нами уральских языков и обсуждаются методологические выводы, связанные с привлечением большой группы родственных языков к лексико-типологическому исследованию. Заключение суммирует выводы работы. Приложение 1 содержит анкету для типологического исследования наименований качественных признаков, описывающих фактуру поверхностей. Приложение 2 включает список глосс. В Библиографии приводятся выходные данные цитируемой в работе литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

ГЛАВА 1 «ИСТОРИЯ ВОПРОСА. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ» содержит общую характеристику лексической типологии как исследовательского направления, а также подробное обсуждение используемого в работе теоретического подхода и предполагаемой им методологии. В **Разделе 1.1** формулируется понимание лексической типологии как ветви типологии, в рамках которой сопоставляются лексико-семантические системы различных языков (как системы в целом, так и отдельные семантические группы слов) и делается попытка установить и объяснить универсальные закономерности их устройства и универсальные ограничения на их структуру²⁰. Дается обзор наиболее значимых работ по лексической

²⁰ См. Рахилина Е. В., Плунгян В. А. О лексико-семантической типологии // Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.) Глаголы движения в воде: лексическая типология. – М., 2007. С. 9 – 26; Круглякова В. А. Указ. соч.; Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы

типологии. Подробно обсуждаются работы А. Вежбицкой и К. Годдарда, выполненные в рамках теории семантических примитивов, а также использующее стимульную методику исследование [Berlin, Kay 1969]²¹ и современные работы, выполняемые в русле этой же методики в Институте психолингвистики им. Макса Планка в Неймегене.

Раздел 1.2 посвящен подробному описанию фреймового подхода, служащего теоретической базой нашего исследования. Его основные положения изложены в [Рахилина, Резникова 2013]²², а исследованные в его рамках семантические поля включают температурные выражения; глаголы движения в воде, боли, вращения, звучания; лексем со значением ‘острый’ – ‘тупой’, ‘полный’ – ‘пустой’ и др. (ссылки на литературу приведены на с. 2 – 3 при характеристике актуальности данного исследования). Этот подход основан на следующих теоретических положениях:

- Сравнение лексики разных языков должно строиться на единой методологической базе, чтобы описания различных языков были сопоставимы.
- Основой для сопоставления лексем разных языков является анализ их сочетаемости (это положение основывается в частности на традициях Московской семантической школы²³).
- На основе анализа сочетаемости выделяются простейшие внеязыковые ситуации (или объекты), называемые в данном теоретическом подходе **фреймами**. Именно они и образуют основу для типологического изучения лексики.

Примером использования фреймового подхода может послужить типологическое исследование наименований качественного признака ‘острый’²⁴. Для лексем с таким значением выделяется четыре фрейма: во-первых, режущие инструменты с острым лезвием (нож, ножницы, пила, коса, бритва); во-вторых, заостренные колющие инструменты (иголка, гвоздь, шило, стрела); в-третьих, предметы с сужающейся к концу формой (носок ботинка, шпиль здания, гора, верхушка дерева) – в отличие от первых двух фреймов, для объектов данного класса свойство ‘быть острым’ не является функционально значимым; в-четвертых, природные объекты, которые могут оказывать воздействие на контактный объект, сходное с воздействием заостренных инструментов, но, в отличие от этих инструментов, являются таковыми от природы, а не в результате деятельности человека (колючки шиповника, иглы хвойных деревьев). Прямые употребления лексем со значением ‘острый’ описываются в терминах этих четырех фреймов, что позволяет наглядно представить их сходства и различия в разных языках.

В случае, если при работе с новым языком обнаруживается неполнота или неточность первоначального списка фреймов, он должен быть скорректирован, а все внесенные в него обновления должны быть проверены на материале ранее

языкознания. № 2, 2013. С. 3 – 31; *Koptjevskaja-Tamm M.* Approaching lexical typology // *Vanhove M.* (ed.) *From Polysemy to Semantic Change*. – Amsterdam/Philadelphia, 2008. P. 3 – 55.

²¹ *Berlin B., Kay P.* Basic color terms: Their universality and evolution – Berkeley, 1969.

²² *Рахилина Е. В., Резникова Т. И.* Указ. соч.

²³ См. в частности *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка – М., 1974 (2-е изд. – 1995).

²⁴ *Кюсева М. В.* Указ. соч.

исследованных языков. Существенно, однако, что, во-первых, сама идея выделения общего списка фреймов представляется чрезвычайно важной, поскольку иначе описания разных языков могут оказаться несопоставимы друг с другом; во-вторых, как показывает опыт проведенных к настоящему моменту исследований (обобщенный, например, в [Рахилина, Резникова 2011: 129]²⁵), после изучения уже 9 – 10 языков многие выявленные семантические противопоставления начинают повторяться при увеличении выборки и вероятность выявления принципиально новых центральных фреймов для какого-либо семантического поля будет незначительна.

Сопоставление устройства исследуемого семантического поля в различных языках осуществляется представителями фреймового подхода с использованием **семантических карт**, широко применяемых в грамматической типологии²⁶. Наша работа следует методике построения семантических карт, которая представлена в упомянутых работах.

Раздел 1.3 излагает историю исследования семантической области фактуры поверхностей. Объемных типологических исследований этого поля ранее не проводилось. Материал русского языка наиболее подробно рассматривался в [НОСС 2004: 982 – 986]²⁷, [Спиридонова 2004]²⁸, где обсуждается ряд семантических характеристик русских слов *гладкий* и *ровный* (а также, в сопоставлении с ними, прилагательного *плоский*). В последние годы выполнены уже упомянутые исследования этой лексической группы в корейском и испанском языках²⁹. Отдельные сведения об английском и польском материале можно извлечь из статьи [Goddard, Wierzbicka 2007]³⁰. Наконец, в ряде работ рассматривались механизмы развития фокусных частиц из лексемы с исходным значением ‘ровный’, ср. русское *ровно*, английское *even*, немецкое *eben*³¹.

---

²⁵ Рахилина Е. В., Резникова Т. И. О работе Московской лексико-типологической группы (стенограмма доклада) // Проблемы лексико-семантической типологии: сборник научных трудов / под ред. А. А. Кротова – Воронеж, 2011. С. 126 – 135.

²⁶ См. Haspelmath M. The geometry of grammatical meaning: semantic maps and cross-linguistic comparison // Tomasello M. (ed.) The new psychology of language, vol. 2. – Mahwah, NJ, 2003. P. 211 – 242; van der Auwera J., Plungian V. A. Modality's semantic map – Linguistic typology 2, 1998; Татевосов С. Г. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова – М., 2002.

²⁷ Указ. соч.

²⁸ Спиридонова Н. Ф. Указ. соч.

²⁹ Иванова Е. Ю. Указ. соч.; Спесивцева А. А. Указ. соч.

³⁰ Goddard C., Wierzbicka A. NSM analyses of the semantics of physical qualities: *sweet, hot, hard, heavy, rough, sharp* in crosslinguistic perspective // Studies in Language, Volume 31, Number 4, 2007. P. 765-800.

³¹ См. König E. The Meaning of Focus Particles. A Comparative Perspective – London, 1991; Traugott E. The semantic development of scalar focus modifiers // van Kemenade A., Bettelou Los (eds.) The handbook of the history of English – Blackwell, 2006. P. 335 – 359; Добровольский Д. О., Левонтина И. Б. О синонимии фокусирующих частиц (на материале немецкого и русского языков) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18). В 2 т. Т. 1 – М., 2012. С. 138 – 149; Беликов В. И. *Ровно так* говорят многие // Александр Евгеньевич Кибрик. In memoriam. Материалы научно-мемориальных чтений памяти А. Е. Кибрика. 9 декабря 2012 г. – М., 2012. С. 38 – 41; Лучина Е. С., Резникова Т. И., Стенин И. А. Атрибутивы как источник грамматикализации: ‘прямой’ и ‘ровный’ в русском, немецком и финском языках // Guzmán Tirado R., Votyakova I. (eds.) Tipología léxica – Granada, 2013. С. 123 – 129.

ГЛАВА 2 «ЛЕКСЕМЫ, ОПИСЫВАЮЩИЕ ФАКТУРУ ПОВЕРХНОСТЕЙ: СИСТЕМЫ ПРЯМЫХ УПОТРЕБЛЕНИЙ» посвящена семантическим противопоставлениям в зоне прямых употреблений лексем, описывающих фактуру поверхностей. В **Разделе 2.1** рассматриваются лексемы отсутствия неровностей. Базовая оппозиция здесь касается способа, которым прототипически воспринимается поверхность: он может быть **зрительным** (пол, стена – когда мы оцениваем их поверхности на глаз; поле, луг) либо **тактильным** (гладко выбритые щеки, небольшой камень, оцениваемая на ощупь доска). Фреймы тактильного восприятия делятся далее на два класса: **собственно гладкие** поверхности (примеры даны выше) и **скользящие** поверхности (например, поверхность скользкой дороги или скользкого мяча). В обследованных языках выявлены различные стратегии категоризации трех базовых зон (обозначаемых метаязыковыми ярлыками «скользящий», «гладкий» и «ровный»). Во-первых, за каждой из них может быть закреплена отдельная лексема или отдельный набор лексем (как в русском языке), ср. также в эстонском языке *libe* ‘скользящий’, *sile* ‘гладкий’ и *tasane* ‘ровный’ и аналогичные системы венгерского, финского и удмуртского языков. Во-вторых, возможно использование одной лексемы для гладких и ровных поверхностей и другой лексемы – для скользких, ср. в эрзянском языке *нолажа* ‘скользящий’ и *валаня* ‘гладкий, ровный’. Аналогичная ситуация наблюдается в ненецком языке и, с некоторыми оговорками, в ижемском коми. В-третьих, одна лексема может описывать скользкие и гладкие поверхности, а другая – ровные. Этой стратегии следуют хантыйские говоры сел Шурышкары и Теги (где лексема *wól’ak* означает ‘скользящий, гладкий’, а лексема *pajli* – ‘ровный’). Более сложный ее вариант отмечен в марийском языке, где существует лексема *яклака* ‘скользящий, гладкий’, конкурирующая в зоне гладких поверхностей с лексемой *йывыжа* ‘гладкий’.

Лексемы со значением ‘**скользящий**’ часто противопоставляются по **топологическому классу** поверхности, а именно, по тому, характеризуют ли они поверхность, на которой трудно удержаться (дорогу после заморозков, вымытый пол, каменные ступеньки), или же поверхность выскользывающего из рук предмета (рыбу, кусок мыла, черенок лопаты). Промежуточным фреймом является скользкая подошва обуви (и метонимически сама обувь): с одной стороны, человек тоже опирается на нее при ходьбе; с другой стороны, по топологическим характеристикам она сближается с выскользывающими из рук предметами. Во многих языках все фреймы скользких поверхностей покрываются одной лексемой (*скользящий* в русском языке, *slippery* в английском, *нолажа* в эрзянском, *liukas* в финском), но иногда скользкие опорные поверхности описываются одной лексемой (например, прилагательным *гылыт* в удмуртском языке или *вольк* в ижемском коми), а поверхности выскользывающих предметов – другой лексемой (в удмуртском это глагол *гылзыны* ‘скользить, выскользывать’, а в ижемском коми – глагол *вольсьёоны* с аналогичной семантикой, употребление же лексем *гылыт* и *вольк* в таких контекстах невозможно). Фрейм скользкой подошвы может получать в таких системах различный статус: в ижемском коми он может характеризоваться той же лексемой, что и опорная поверхность (а именно,

прилагательным *вольк*), а в удмуртском языке – не может и описывается глаголом *гылзыны*, как и выскальзывающие предметы.

В семантической зоне скользких поверхностей может обособляться фрейм поверхности, скользкой из-за наличия на ней **постороннего вещества**. Примером служит венгерское прилагательное *sikos*, описывающее чаще всего покрытую льдом скользкую дорогу или скользкую в силу наличия слизи рыбу, змею и т.п. Частный случай реализации этой стратегии состоит в обособлении фрейма скользкой опорной поверхности, покрытой льдом – ср. закрепление за этим фреймом прилагательного *салът*” в ненецком говоре с. Белоярск.

Для фреймов тактильно воспринимаемых поверхностей в ряде языков возникает дополнительное противопоставление за счет параметра зрительного восприятия. В таких системах выделяется лексема, указывающая на отсутствие неровностей на поверхности объекта (чаще всего это лексема со значением ‘гладкий’) и одновременно на **блеск** этой поверхности. Ярким примером служит английское прилагательное *sleek*, ср. частотные в [СОСА]³² сочетания *sleek silver* ‘гладкое, блестящее серебро’, *sleek hair* ‘гладкие, блестящие волосы’, *sleek car* ‘гладкая, блестящая машина’, *sleek leather* ‘гладкая, блестящая кожа (материал)’, *sleek glass* ‘гладкое, блестящее стекло’. Подобные примеры отмечены также для корейского, китайского и испанского языков, а в нашей выборке из уральских языков – для марийского.

Многие дополнительные противопоставления в зоне отсутствия неровностей связаны с особыми ограничениями на сочетаемость признаков слов с названиями объектов определенных классов. Так, особым фреймом здесь оказываются **части тела**. В хантыйском говоре с. Мужа прилагательное *pajli*, описывающее гладкие поверхности, не используется с названиями частей тела, которые будут при необходимости охарактеризованы по иным, смежным признакам: о гладко выбритом лице или об ухоженном лице девушки скажут *mulijəl* ‘блестит’ или *xəraseŋ* ‘красивое’, гладкую кожу могут описать как *lepət* ‘мягкая’. Похожая ситуация представлена в мокшанском языке (говор с. Лесное Цибаево), где прилагательное *vad'av* ‘гладкий’, как правило, не используется для характеристики человеческой кожи, рук и лица. Более сложный случай наблюдается в испанском языке, где прилагательное *terso* описывает гладкие & блестящие поверхности и в то же время сочетается только с названиями частей тела (так, оно описывает гладкие руки или щеки, но не полированную доску), см. подробнее [Спесивцева 2012: 35 – 37]³³.

В некоторых языках по-разному описываются ровные **участки местности** vs. ровные поверхности **артефактов** (предметов, создаваемых человеком). Так, в ижемском диалекте коми-зырянского языка употребление лексемы *мольыд* ‘гладкий’ распространяется также на фреймы зрительно ровных поверхностей, но только в случае участков местности (таких, как ровное поле, луг, покос). Поверхности воспринимаемых зрительно артефактов описываются чаще всего русским заимствованием *рöвнэй*, но не словом *мольыд*. Фрейм ровного участка местности обособляется и в венгерском языке: за ним закрепляется особое прилагательное *sik*.

³² The corpus of contemporary American English. Online resource: <http://corpus.byu.edu/coca/>

³³ Спесивцева А. А. Указ. соч.

Особым фреймом в семантической зоне ровных участков местности оказывается фрейм **ровной дороги** (такой, поверхность которой не имеет неровностей). Поверхность дороги при перемещении по ней человека может оцениваться в определенном смысле тактильно, поэтому в языках, имеющих различные лексемы для зон гладкой (тактильно) vs. ровной (зрительно) поверхностей, регулярно наблюдается употребление лексемы, описывающей гладкую поверхность, по отношению к ровной дороге, особенно если говорящему нужно подчеркнуть высокую степень отсутствия неровностей.

Другим важным фреймом участков местности оказывается фрейм **местности без гор** или других возвышенностей значительного размера. В ряде языков именно он покрывается лексемой со значением ‘плоский’, исходно описывающей плоскую либо приплюснутую форму предмета. Такова ситуация, в частности, в русском языке, ср. анализ прилагательного *плоский* в [Спиридонова 2004]³⁴. Аналогичное употребление лексемы ‘плоский’ наблюдается в эрзянском (прилагательное *лапужа*), эстонском (прилагательное *lame*) и коми-зырянском (прилагательное *плавкес*) языках. Во всех этих языках, однако, допустимо употребить для описания местности без гор и доминантную лексему со значением ‘ровный’. В некоторых языках прилагательное с исходным значением ‘плоский’ может описывать участок местности без любых неровностей на поверхности (например, ровное поле), как венгерское *lapos*.

Еще один особый фрейм отсутствия неровностей – это гладкая (при штиле) **поверхность воды** в водоеме. В некоторых языках она может характеризоваться лексемами фактуры поверхностей, ср. употребление в этом контексте русского *гладкий* или ненецкого *салмуй* ‘ровный, гладкий’. Но часто фрейм поверхности воды оказывается лакуной с точки зрения описания фактуры поверхности, не покрываясь ни лексемой ‘гладкий’, ни лексемой ‘ровный’, а характеризуюсь по каким-либо иным смежным признакам, как, например, в удмуртском языке – *шытыт пукысь* (букв.: тихо сидящая), или в хантыйском языке – *гэтије* (букв.: спокойненькая).

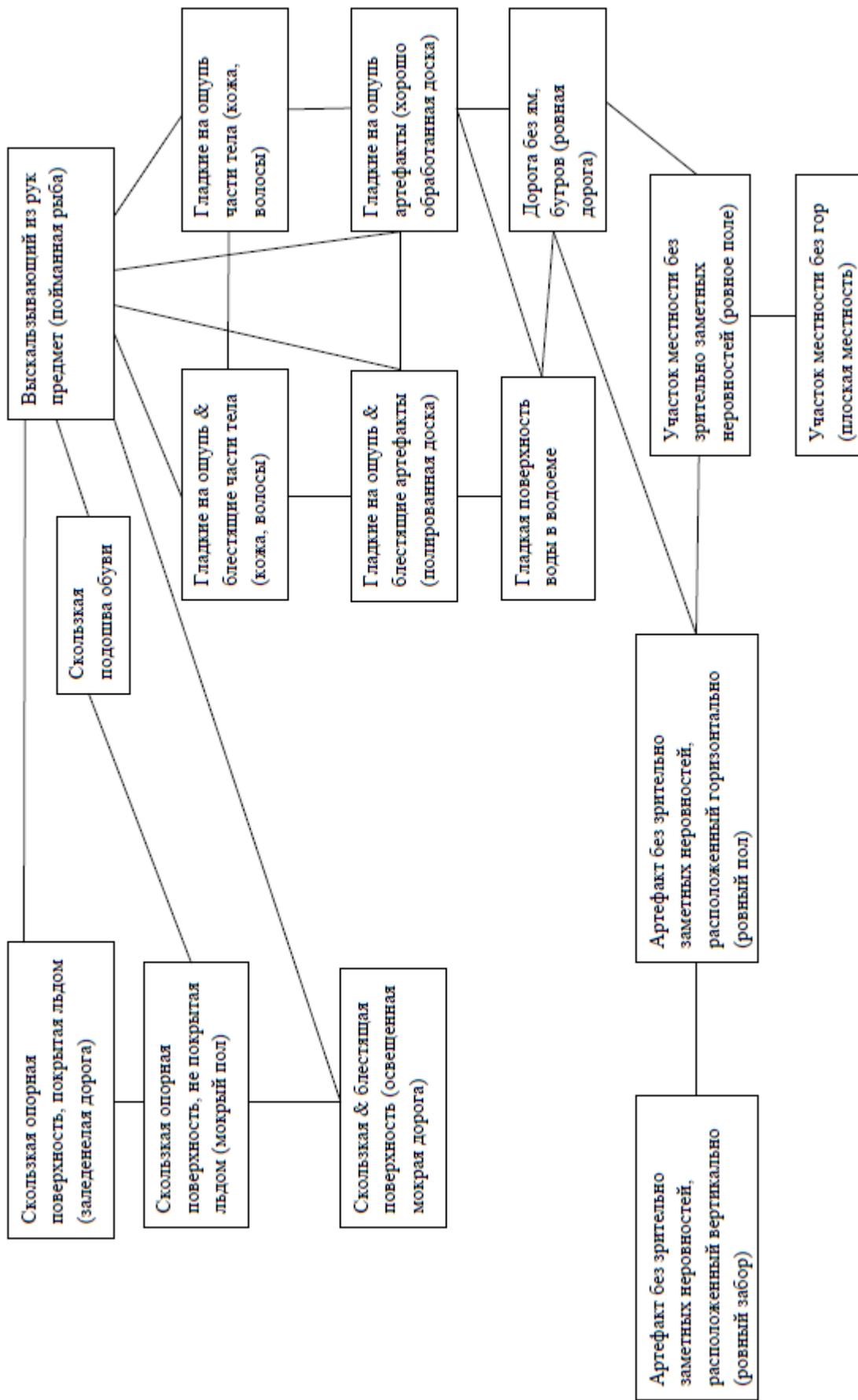
В семантической зоне артефактов, поверхность которых зрительно воспринимается как ровная, возникает противопоставление **вертикального vs. горизонтального** расположения поверхности. Оно четко выделяется на материале тегинского говора хантыйского языка, где прилагательное *рајли* ‘ровный’ применимо только к наименованиям горизонтальных поверхностей (например, ровному полу), тогда как предпочтительным средством характеристики вертикальных поверхностей (например, ровной стены) будет прилагательное *тйη* ‘прямой’.

Противопоставления, выявленные в группе фреймов отсутствия неровностей, обобщены на представленной ниже семантической карте.

---

³⁴ Спиридонова Н. Ф. Указ. соч.

Семантическая карта фреймов отсутствия неровностей

Раздел 2.2 посвящен языковой категоризации наличия неровностей на поверхности. Языки выделяют два класса фреймов, каждый из которых описывается с помощью отдельной лексемы или набора лексем: во-первых, поверхности с регулярными тактильно воспринимаемыми твердыми неровностями, например язык кошки, шершавая от мороза кожа рук, точильный брусок, плохо обработанная доска – ср. закрепление за этой зоной прилагательного *шершавый* в русском языке, *шакырес* в удмуртском, *kaz'amə* в мокшанском, *kare* в эстонском и др.; во-вторых, поверхности со сморщенными / морщинистыми неровностями, как лицо пожилого человека, сморщенные листья растений или старая картошка – ср. специфические для этого класса контекстов удмуртское прилагательное *кисыриё*, хантыйское *morməŋ*, финское *ruppuinen* (иногда внутри последнего класса фреймов противопоставлены плоские vs. трехмерные сморщенные поверхности, ср. различие эстонских прилагательных *kortsus* ‘морщинистый (о плоских объектах)’ и *krimpsus* ‘сморщенный (о трехмерных объектах)’)³⁵.

Наиболее богатая система противопоставлений существует в области шершавых поверхностей и смежных фреймов. Отдельным фреймом является поверхность с **мягкими неровностями** (как негладкие небритые щеки). Некоторые языки допускают ее описание тем же средством, что используется для шершавых поверхностей (ср. эстонское прилагательное *kare*, эрзянское *казямо* или английское *rough*), тогда как в ряде языков наблюдается противоположная стратегия: так, коми-зырянское *созорэсь* или хантыйское *karəŋ* не могут быть применены к этому фрейму, закрепляясь только за фреймами твердых регулярных неровностей.

Другим важным типологически релевантным противопоставлением является противопоставление по **размеру неровностей**: ср., с одной стороны, совсем небольшие неровности на поверхности таких объектов, как шершавый язык кошки или негладкая кожа рук (например, после пребывания на морозе); с другой стороны, неровности более ощутимого размера, как те, которые присутствуют на коре сосны или на корке, которой покрывается рана. Согласно нашим типологическим данным, эта оппозиция реализуется в финском и эстонском языках. Внутри финской системы она противопоставляет прилагательные *karhea* (о некрупных неровностях) и *karkea* (о крупных неровностях), внутри эстонской – прилагательные *kare* (о некрупных неровностях) и *krobeline* (о крупных неровностях).

Категоризация негладких поверхностей может варьироваться и по тому, расположены ли неровности на их поверхности **регулярно** или нет. Так, например, русское прилагательное *шершавый* характеризует только поверхность с регулярно расположенными неровностями, тогда за нерегулярно

---

³⁵ В языках существуют также способы обозначить наличие неровностей на поверхности путем прибавления какого-либо отрицательного показателя к лексеме со значением ‘гладкий’ или ‘ровный’, как в русском языке *неровный*, в эстонском *ebatasane* ‘неровный’ (ср. *tasane* ‘ровный’), в коми-зырянском *абу мольыд* ‘негладкий’ (ср. *мольыд* ‘гладкий’), в удмуртском *вольыт övöl* ‘негладкий’ (ср. *вольыт* ‘гладкий’) и т.п. Мы не оговариваем каждый раз сферу употребления таких единиц, во-первых, потому, что они заведомо будут доминантны, во-вторых, потому, что их наличие не снимает вопроса о том, по каким признакам противопоставлены лексемы, описывающие более специфичные типы неровностей.

расположенные неровности отвечает прилагательное *шероховатый*. Коми-зырянская лексема *созорэсь*, хантыйская *karəŋ*, ненецкая *насортáсь* тоже не могут покрывать фрейма поверхности с нерегулярными неровностями. Для того чтобы выразить такой смысл, носители этих языков используют иные описательные средства, ср. в ненецком языке *Лата' насортида тáня* 'У доски шероховатости имеются'. В ряде языков, однако, лексемы, описывающие шершавые поверхности, могут относиться и к поверхностям с нерегулярными неровностями, примерами чему могут послужить эрзянское *казямо*, английское *rough* или китайское *cисао*.

Среди фреймов шершавых поверхностей могут обособляться поверхности, оказывающие **воздействие** на контактный объект (например, колючие щетки и занозистая доска). В удмуртском языке, наряду с нейтральным прилагательным *шакырес* 'шершавый', существует прилагательное *чогырес*, закрепляющееся именно за этим фреймом. Согласно [Спесивцева 2012:55 – 57]³⁶, аналогичным образом ведет себя и испанское прилагательное *rasposo*, противопоставляясь нейтральному *áspero* 'шершавый'.

Еще одним важным параметром является то, может ли кодироваться одним и тем же средством фрейм негладкой поверхности и фрейм грубого гибкого материала (например, грубой ткани), определяющий уже **структуру предмета в целом**. Во многих языках эти фреймы описываются по-разному, как, например, в русском, где прилагательное *шершавый* специализируется на характеристике поверхности, а общая структура материала описывается словом *грубый* (ср. многочисленные примеры из НКРЯ – *грубый брезент, грубый войлок, грубое волокно, грубая замша, грубая клеенка, грубая мешковина, грубое полотно, грубое сукно, грубая ткань, грубый холст*). Аналогичный запрет выявлен в коми-зырянском, удмуртском и хантыйском языках. С другой стороны, в целом ряде языков (эрзянском, мокшанском, финском, марийском, ненецком, испанском) грубая ткань характеризуется тем же прилагательным, которое описывает негладкие поверхности.

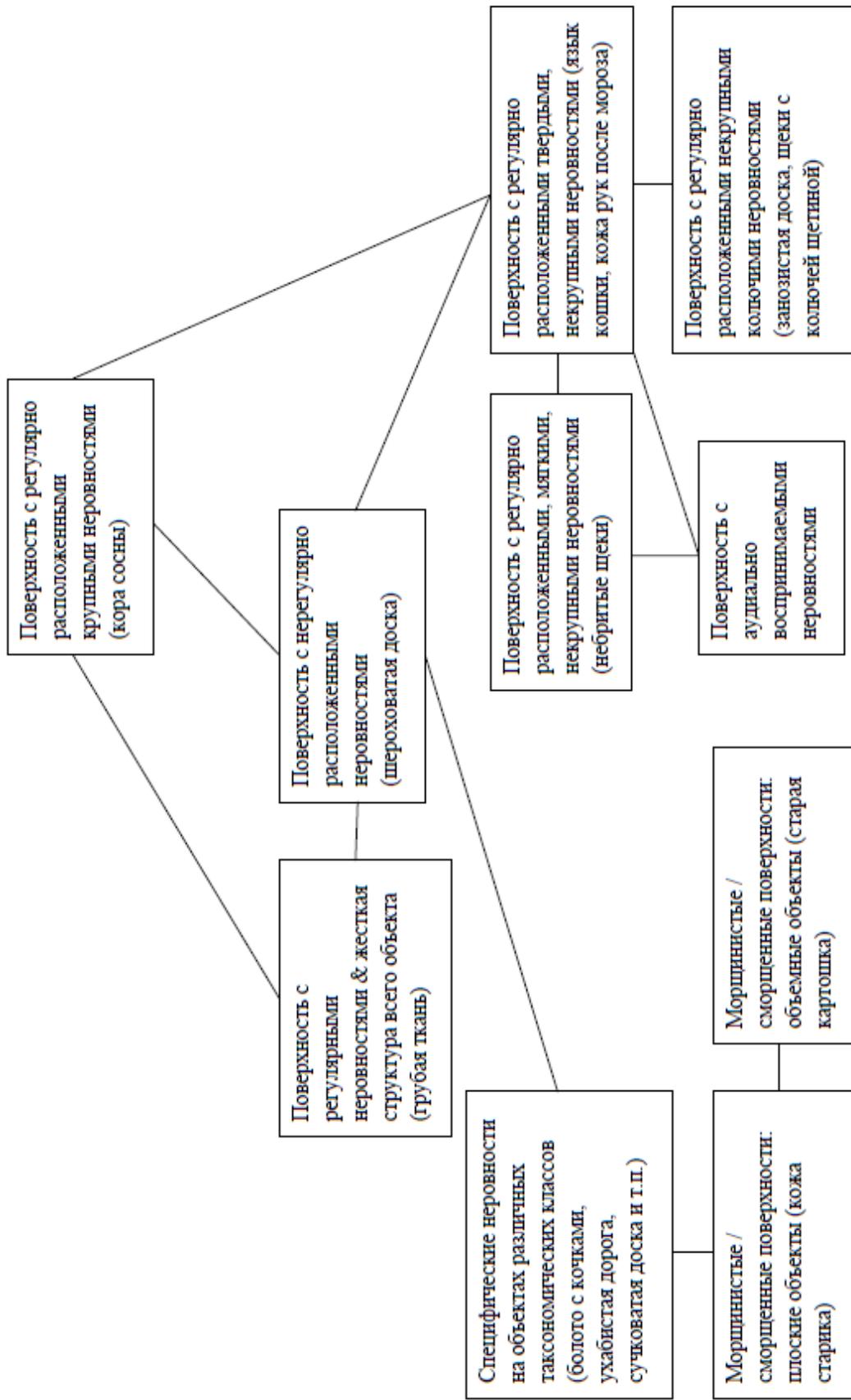
Помимо двух упоминавшихся ранее способов восприятия – зрительного и тактильного – для семантической зоны фактуры поверхностей может быть релевантен и еще один способ восприятия – **аудиальный**. Ярким примером здесь служит полисемия удмуртских слов с изобразительным корнем *чаж*, которые исходно описывают звуки (например, шум ливня, шипение масла при жарке, звук при работе пилой, а также звук трения о шероховатую поверхность), а в северных говорах метонимически характеризуют фактуру таких поверхностей, при трении о которые возникает обозначаемый ими звук (применяясь к небритому лицу, листьям вяза, мочалке, наждачной бумаге, точильному бруску).

Данные о языковой категоризации фреймов наличия неровностей обобщены на семантической карте.

---

³⁶ Спесивцева А. А. Указ. соч.

Семантическая карта Фреймов наличия неровностей

Раздел 2.3 подводит итоги обсуждения семантических противопоставлений в области фактуры поверхностей. Полученные данные представляют теоретический интерес с точки зрения проблемы семантической и сочетаемостной асимметрии антонимов³⁷. Это явление пока недостаточно систематизировано типологически: неясно, где именно, как именно и почему проявляется эта асимметрия, где – нет, и каковы возможности межъязыкового варьирования этой области.

В нашем случае мы имеем две антонимические зоны: отсутствие неровностей vs. наличие неровностей. В зоне наличия неровностей возникают противопоставления, обусловленные появлением дополнительного элемента фрейма, – собственно неровностей, характеризующихся, в частности, по размеру, регулярности, воздействию на человека. С другой стороны, в зоне наличия неровностей стираются многие противопоставления из зоны отсутствия неровностей, например: для лексем наличия неровностей нерелевантно наличие вторичных визуальных признаков (ср. признак блеска во фреймах гладких поверхностей); в области наличия неровностей часть тела не выделяется как отдельный фрейм (ср. с таким выделением в зоне гладких поверхностей); в области наличия неровностей нет прямого противопоставления лексемам со значением ‘скользящий’, образующим отдельный класс в области отсутствия неровностей.

Тем самым, в данном случае свойства дополнительного элемента фрейма – неровностей – оказываются для языка более значимыми и «перетягивают» на себя основной набор семантических противопоставлений. Дальнейший поиск моделей семантической асимметрии в антонимических группах лексики представляется перспективной задачей лексической типологии, которая должна решаться путем анализа большого массива семантических групп на представительной языковой выборке.

ГЛАВА 3 «ЛЕКСЕМЫ, ОПИСЫВАЮЩИЕ ФАКТУРУ ПОВЕРХНОСТЕЙ: СИСТЕМЫ ПЕРЕНОСНЫХ УПОТРЕБЛЕНИЙ» посвящена переносным употреблением лексем с семантикой фактуры поверхностей. **Раздел 3.1** дает обзор современных подходов к лексической многозначности. В нашей работе мы следуем подходу Московской семантической школы³⁸. Здесь же оговариваются теоретические проблемы, возникающие при типологическом исследовании метафор (окказиональные метафоры; калькированные метафоры; определение источника метафоры, если лексема в прямом значении характеризует объекты разных базовых зон).

В **Разделе 3.2** обсуждаются переносные употребления лексем с прямым значением ‘скользящий’. Чаще всего они метафорически сдвигаются в обозначение **ненадежности, нестабильности** человека или ситуации, ср в русском языке *скользящая тема, скользящий вопрос, скользящий тип*, в финском *astua liukkaale tielle* ‘стать на скользящий путь’ (о жизненном пути человека),

³⁷ См. Апресян Ю. Д. Указ. соч.; Cruse D. Lexical semantics – Cambridge, 1986; Croft W., Cruse D. Cognitive linguistics – Cambridge, 2004.

³⁸ См., например, Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. – М., 2004; Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М., 2004; Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Карпова О. С. Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг // Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина – М., 2010. С. 398 – 455.

liikas kuin ankerias ‘скользящий как угорь’ (о ненадежном, «изворотливом» человеке), в эстонском *libe inimene* ‘льстивый (букв.: скользящий) человек’.

Другая модель полисемии лексем со значением ‘скользящий’ основана на том, что скользящая поверхность – не только та, которая создает неудобство для человека, но и та, по которой объект может быстро переместиться в пространстве. Поэтому сдвиг лексем, означающих ‘скользящий’, может происходить не только в область ненадежности или нестабильности, но и в область **быстроты и легкости** выполнения действия. Эта модель выявлена в финском языке, где прилагательное *liukas* ‘скользящий’ используется в таких сочетаниях, как *liukas varas* ‘ловкий вор’, *liukas pelaaja* ‘игрок высокого класса’, ср. также композиты *liukasliikkeinen* ‘проворный, ловкий (букв.: со скользящими движениями)’, *liukaskielinen* ‘разговорчивый, красноречивый (букв.: со скользящим языком)’.

Метафоры слов со значением ‘гладкий’ (**Раздел 3.3**), в первую очередь описывают **отсутствие недостатков или затруднений**, ср. в русском языке *Всё прошло гладко* и аналогичные примеры в английском, испанском, китайском, марийском, удмуртском, эрзянском, эстонском языках. Близкий перенос слов этой группы происходит в целом ряде языков в область уверенной речи человека или свободного владения языком, ср. русский пример *гладкая речь* или удмуртский *Вольит вераське удмурт сямен* ‘Свободно (букв.: гладко) говорит по-удмуртски’. К этому же классу можно отнести употребление лексем со значением ‘гладкий’ для положительной характеристики человека, ср. в марийском языке *йывыжа кумылан* ‘мягкосердечный’ (букв.: с гладкой душой).

Идея отсутствия неровностей, содержащаяся в исходной семантике лексем со значением ‘гладкий’, вызывает и другой тип метафорического сдвига – в описание **отсутствия ресурса или отличительных качеств**. Такие примеры отмечены для испанского языка в [Спесивцева 2012: 32]³⁹ (см., например, *fachada lisa* ‘фасад без украшений (букв.: гладкий фасад)’), ср. также употребление китайского *guang* ‘гладкий’ в тех случаях, когда речь идет об использовании какого-либо ресурса без остатка или о полном уничтожении объекта. На материале уральских языков такой сдвиг фиксируется в марийском (выражение *яклака кўсен*, букв.: гладкий карман, означает, что у человека – «обладателя кармана» нет денег), эстонском (прилагательное *sile* ‘гладкий’, описывая речь или текст, приобретает значение ‘фальшивый, поверхностный, недостаточно глубокий’) и венгерском языках (лексема *sima* ‘гладкий’ переносно означает ‘простой, обыкновенный, среднестатистический’).

Семантическим инвариантом для базового класса метафор, образуемых лексемами со значением ‘ровный’ (**Раздел 3.4**), служит идея **равномерности**. Так, эти лексеммы могут описывать:

- Равномерное распределение статичных объектов (либо равномерность проявления признака): равномерно легший на кожу загар, равномерно нанесенный слой краски, равномерно расставленные предметы и т.п. – ср. в русском языке *ровный загар*, *ровно расставить стулья*, в английском *evenly covered with paint* ‘равномерно покрытый краской’, *evenly spaced desks* ‘равномерно расположенные парты’.

³⁹ Спесивцева А. А. Указ. соч.

- Равенство значений параметра (ср. в английском языке *the score is even* ‘счет равный’), внутри уральских языков подобный переход отмечается в марийском. Из этого значения вытекает и упомянутый во вводной части дальнейший сдвиг лексем со значением ‘ровный’, когда в некоторых языках на их основе развиваются фокусные частицы, ср. русское *ровно*, английское *even* или немецкое *eben* (однако в уральских языках, занимающих центральное место в нашей работе, такие примеры нами не отмечены).

- Равномерно протекающие действия или процессы, ср., например, употребление венгерского *egyenletes* ‘ровный’ по отношению к равномерному движению, финского *tasainen* ‘ровный’ для описания равномерного звука или русские примеры типа *ровное дыхание* и *ровный шаг*.

К группе переносов со значением равномерности близко и употребление лексем ‘ровный’ по отношению к прямой линии. В данном случае, однако, неочевидно, что значение ‘ровный’ (о поверхности) обязательно будет первичным, ср. данные марийского языка, где для прилагательного *tör*, сочетающего оба этих значения, исходным фреймом является, согласно диахроническим данным, прямая линия, или употребление мокшанского прилагательного *vid’ə* с исходным значением ‘прямой’ для характеристики ровной поверхности. В свою очередь, в русском языке именно прилагательное из зоны свойств поверхностей начинает обслуживать фрейм прямой линии, как в примерах типа *ровная строчка*, *ровно отрезать*, *ровно свисающая скатерть*.

Лексемы со значением ‘ровный’ развивают и другой класс метафор, характеризуя **отсутствие отличительных качеств или малую интенсивность действия**. Ярким примером служит эстонское *tasane* ‘ровный’, имеющее также значения ‘слабый’ (например, о боли или о дожде), ‘медленный’ (например, о движении, о течении реки), ‘тихий’ (например, о звуке, о шагах, о волнах). Сходный класс переносов проявляется в китайском языке (примеры Л. С. Холкиной), где слово *píng* ‘ровный’ участвует в целом ряде композитов, обозначающих что-либо однообразное и не выделяющееся, ср. *píngshí* ‘обычный, будничной (букв.: ровный + время)’, *píngdàn* ‘бесцветный, монотонный (например, о стиле изложения; букв.: ровный + пресный)’.

Лексемы с исходным значением **наличия неровностей (Раздел 3.5)** метафорически описывают наличие у объекта каких-либо **недостатков** или указывают на то, что этот объект вызывает для человека какие-либо **затруднения**. Такие метафоры могут характеризовать:

- Некачественно выполненное действие (в русском, английском, китайском, марийском, финском, эрзянском, эстонском языках), ср. в русском языке *грубо сколоченный стол*, в английском *a rough draft* ‘черновая версия’, в удмуртском *Кылыз шакырес* ‘У него речь хромает (букв.: Его язык шершавый)’.

- Человека, с которым по каким-либо причинам трудно взаимодействовать. В русском, английском, китайском, корейском, марийском, финском, эрзянском, мокшанском, эстонском языках развивается перенос прилагательных данной группы на фрейм грубого, невежливого человека, а в испанском и эстонском языках – на фрейм сурового человека.

- Вкус, неприятный для человека и способный вызвать неприятные физиологические ощущения. Подобные примеры не отмечаются в уральских языках, но встречаются в английском, испанском и корейском.

- Звук, оцениваемый негативно и иногда свидетельствующий о нарушении функциональности своего источника, ср. английское прилагательное *rough* ‘шершавый, шероховатый’, которое, согласно [Longman]⁴⁰, описывает неприятный звук, например, сопровождающий работу плохо функционирующего механизма. Частным случаем такого рода метафор, развиваемых лексемами фактуры поверхностей, является их употребление для описания хриплого голоса человека – в эрзянском, мокшанском, эстонском, финском и венгерском языках (при этом могут различаться контексты естественно хриплого голоса vs. голоса, охрипшего от болезни или от крика).
- Неприятные физиологические ощущения (а также, реже, неприятные душевные ощущения). Например, эстонское прилагательное *kare* ‘шершавый’ может характеризовать горло, но описывает в этом случае не тембр голоса, а испытываемое субъектом ощущение – чувство першения в горле.
- Неблагоприятную для человека обстановку (ср. в английском языке *a rough night* ‘бессонная ночь’, *a rough journey* ‘трудное путешествие’, *a rough day* ‘тяжелый день’ [Longman]⁴¹). В ряде языков метафоры от прилагательных данной группы описывают периоды года или природные явления.

Среди метафорических сдвигов, претерпеваемых лексемами наличия неровностей, можно выделить несколько, подчеркивающих **высокую интенсивность** свойства, состояния или действия. Ярким примером служит венгерский язык, где прилагательное *durva* ‘грубый’ и производное от него наречие *durván* передают в разговорном языке идею высокой интенсивности, оцениваемой как положительно, так и отрицательно, ср. *durván elfáradtam* ‘очень (букв.: грубо) устал’, *durván megijedtem* ‘жутко (букв.: грубо) испугался’, *durva autó* ‘крутая (т.е. очень хорошая) машина’. Типологической параллелью к венгерскому материалу оказываются и данные некоторых языков, не входящих в уральскую семью: в каком-то смысле к этой же группе относится русский пример *грубая ошибка* (т.е. очень значительная); в литературе отмечены похожие примеры и для немецкого языка, ср. *grobe Mängel* ‘грубые недостатки’, *grob ungerecht* ‘очень (букв.: грубо) несправедливо’ и т.п.⁴²

В **Разделе 3.6** перечислены названные ранее модели полисемии, характерные для каждой из рассмотренных семантических зон. Делается вывод, что организация переносных употреблений, развиваемых лексемами из области фактуры поверхностей, носит системный характер. Рассмотрение переносных употреблений показывает, кроме того, асимметричность их развития – как на уровне целых семантических зон, так и на уровне многих конкретных метафор.

Основное содержание **ГЛАВЫ 4 «ЛЕКСЕМЫ, ОПИСЫВАЮЩИЕ ФАКТУРУ ПОВЕРХНОСТЕЙ, В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ»** составляют описания лексем исследуемого поля в десяти уральских языках. Для каждого языка анализ дается в терминах, введенных в Главах 2 и 3. Результаты исследования прямых употреблений «накладываются» на семантические карты, предложенные в Главе 2, что обеспечивает единообразное описание разных языков.

⁴⁰ Longman dictionary of contemporary English. Электронный ресурс: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/>

⁴¹ Указ. соч.

⁴² *Bons I.* Polysemie und Distribution Zur Theorie und Methode einer korpusbasierten Semantik deutscher Adjektive – Gießen: Gießener Elektronische Bibliothek, 2009. P. 306-307.

Разделы 4.1 и 4.2 посвящены материалу прибалтийско-финских языков – **финского** и **эстонского** соответственно. В семантической зоне отсутствия неровностей для финского языка рассматриваются прилагательные *liukas* ‘скользящий’, *sileä* ‘гладкий’, *tasainen* ‘ровный’ и *laakea* ‘плоский, ровный’ (об участках местности), для эстонского – *libe* ‘скользящий’, *sile* ‘гладкий’, *tasane* ‘ровный’, а также прилагательное *lame* ‘плоский’, описывающее местность без гор. Типологически здесь наиболее примечательны существенные различия метафор от финских и эстонских когнатов: если финское *tasainen* сдвигается в контексты равномерности (*tasainen väri* ‘однотонный цвет’, *tasaisen hyvä laatu* ‘одинаково хорошее качество’, *tasainen ääni* ‘ровный звук’), то эстонское *tasane* развивает широкий спектр метафор, объединяемых идеей чего-л. не выделяющегося на общем фоне, см. примеры из [EVS]⁴³: *tasane sosin* ‘тихий шепот’, *tasane koputus uksele* ‘едва слышимый стук в дверь’, *tasane valu* ‘слабая боль’, *tibutab tasast vihma* ‘моросит слабый дождь’, *tasase vooluga jõgi* ‘река с медленным течением’. Интересно также развитие у финского *liukas* ‘скользящий’ значения быстрого, легко выполняемого действия (*liukas varas* ‘ловкий вор’, *liukas pelaaja* ‘игрок высокого класса’). В семантической зоне наличия неровностей в финском и эстонском языках любопытно противопоставление по плоской vs. объемной форме объекта в области морщинистых / сморщенных поверхностей (ср. в эстонском *kortsus* – о плоских объектах и *krimpsus* – об объемных объектах), а также оппозиция по размеру неровностей в зоне шершавых поверхностей (финское прилагательное *karkea* обычно обозначает более крупные и ощутимые неровности, чем *karhea*, а эстонское *krobeline* описывает более значительные по размеру неровности, нежели *kare*).

Разделы 4.3 – 4.5 посвящены финно-волжским языкам – эрзянскому, мокшанскому и марийскому. Для **эрзянского** языка (**Раздел 4.3**) в области отсутствия неровностей анализируются прилагательные *нолажа* ‘скользящий’, *валаня* ‘гладкий, ровный’, *вадяжа* (устар.) ‘гладкий’ (об опрятном человеке, частях его тела, одежде), а также прилагательное *ланужа*, исходно описывающее плоскую форму объекта и также применяемое к местности без гор и холмов. В области наличия неровностей выделяются причастие *сормсевезь* ‘морщинистый, сморщенный’ и прилагательное *казямо*, имеющее очень широкую семантику ‘шершавый, шероховатый, грубый’ (в прямых употреблениях) и развивающее целый ряд метафор: ‘некачественный’ (о работе), ‘грубый’ (о человеке, словах, голосе), ‘хриплый’ (о голосе), ‘суровый’ (о погодных условиях), ‘тяжелый’ (о душевном состоянии человека). Система **мокшанского** языка (говор с. Лесное Цибаево Темниковского р-на Мордовии), обсуждаемая в **Разделе 4.4**, существенно отличается от эрзянской. Скользящие поверхности описываются глаголом *gur’kstäms* ‘скользить, выскользывать’ и прилагательным *valaz’ε* ‘скользящий’ (последнее в целом ряде идиолектов предполагает наличие постороннего вещества на поверхности), гладкие – прилагательным *vad’av* (не применяемым, однако, к частям человеческого тела – коже, рукам, лицу), ровные – прилагательным *vid’э*, исходно означавшим ‘прямой’ (о линии). В зоне наличия неровностей используется доминантное прилагательное *kaz’amэ* ‘шершавый, шероховатый, грубый’, развивающее, однако, значительно меньше метафор, чем эрзянское *казямо*, а кроме того,

⁴³ Указ. соч.

отмечается противопоставление морщинистых и сморщенных поверхностей по плоской vs. объемной форме объекта.

Марийский язык (Раздел 4.5) характеризуется богатой разработкой семантической зоны отсутствия неровностей: ровные поверхности описываются прилагательным *tör* (исходно означающим ‘прямой’ (о линии)), скользкие – прилагательным *яклака*, а гладкие – тем же прилагательным *яклака*, если говорящий подчеркивает наличие у поверхности визуального признака блеска, либо прилагательным *йывыжа*, семантика которого не содержит указания на блеск. В области метафор наиболее интересен широкий класс употреблений прилагательного *йывыжа* (и производного наречия *йывыжан*), где оно описывает объекты, метафорический «контакт» с которыми оказывается приятным для человека, выражая значения ‘нежный’, ‘приятный’, ‘ласковый’ (см. примеры из [Словарь марийского языка]⁴⁴: *йывыжа шомак* ‘нежное слово’, *йывыжа сем* ‘нежная мелодия’, *йывыжан ончалаш* ‘нежно посмотреть’, *йывыжан воштылалаш* ‘нежно улыбнуться’, *йывыжан ниялташ* ‘ласково погладить [колос ржи]’). Зона наличия неровностей обслуживается отглагольным прилагательным *куптыргышо* ‘морщинистый, сморщенный’, а также прилагательными *kozyра* и *коштыра*, которые являются базовыми для зоны шершавых поверхностей и дополнительно распределены по разным идиолектам. Некоторые носители, однако, противопоставляют слова *kozyра* и *коштыра*, указывая на связь последнего с семантической областью звука и относя его к негладким поверхностям, при контакте с которыми может образовываться шуршащий звук (обветренные руки или губы, грубая ткань, корочка на ссадине и т.п.). Метафорически и *kozyра*, и *коштыра* характеризуют грубого человека либо его действия, а *kozyра* может также описывать некачественную работу и неуверенную речь.

В **Разделе 4.6** рассматриваются данные ижемского диалекта **коми-зырянского** языка (пермская ветвь финно-угорской группы), собранные в нескольких поселках Ямало-Ненецкого АО. В зоне отсутствия неровностей анализируются прилагательные *вольк*, *мольыд* и *плавкес*. Лексема *вольк* описывает скользкую опорную поверхность, но не применяется к выскальзывающим из рук предметам, которые характеризуются глаголом *вольсьёоны* ‘скользить’ (скользкую подошву некоторые информанты описывают прилагательным *вольк*, некоторые – формами глагола *вольсьёоны*). Прилагательное *мольыд* описывает гладкие поверхности, а также ровные участки местности. Ровные поверхности артефактов (например, пола или стены) не описываются словом *мольыд* – обычно в этом случае используется заимствование *рöвнэй*. Прилагательное *плавкес* описывает плоскую форму предмета и расширяет употребление на фрейм местности без гор и холмов. В зоне наличия неровностей выделяются, во-первых, причастные образования *кёрсема* и *кёрласема*, описывающие морщинистые/сморщенные поверхности и не имеющие семантических различий; во-вторых, прилагательные *созора* и *созорэсь* (словообразовательные варианты, тождественные семантически). Они характеризуют шершавые поверхности, не применяясь к объектам с нерегулярными неровностями (о доске с отдельными шероховатостями говорят

⁴⁴ Словарь марийского языка в 10 т. Гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ – 1990-2005. Электронная версия: www.marlamuter.org/muter/

абу мольыд ‘не гладкая’), к грубой ткани (она описывается прилагательным *чорыд* ‘твердый’), а также к объектам с мягкими неровностями (о небритых щеках можно сказать *банбёкыс еналэ* ‘щеки колются’).

Раздел 4.7 посвящен еще одному языку пермской ветви – **удмуртскому**. Скользящая опорная поверхность описывается прилагательным *гылыт*, скользящая подошва обуви и поверхности выскользывающих из рук предметов – формами глагола *гылзыны* ‘скользить’. Гладкие поверхности характеризуются прилагательным *вольыт*, ровные – прилагательным *чошкыт*. Фрейм гладкой поверхности воды оказывается здесь лакуной, описываясь иными средствами (ср. *шыныт пукысь* – букв. ‘тихо сидящая’). Метафорически прилагательное *чошкыт* передает идею равномерности статичных объектов (например, описывая равномерно покрашенную стену), а прилагательное *вольыт* сдвигается в ряд контекстов отсутствия недостатков и затруднений. Семантическая зона наличия неровностей разработана в удмуртском языке весьма богато. Морщинистые и сморщенные поверхности описываются прилагательным *кисыриё*, шершавые – прилагательным *шакырес*. Прилагательное *чогырес* описывает поверхность с достаточно твердыми, заостренными неровностями, контакт с которыми вызывает неприятные ощущения (например, колючие небритые щеки или занозистую доску). Наконец, в северных говорах изобразительные слова на *чаж-*, исходно описывающие звуки, в т.ч. звук трения о шероховатую поверхность, характеризуют фактуру негладких поверхностей (небритых щек, мочалки, наждачной бумаги), при трении о которые возникает обозначаемый ими звук.

В **Разделе 4.8** проанализирован материал **венгерского** языка (угорская ветвь финно-угорской группы). Скользящие поверхности описываются прилагательными *csúszós* и *síkos*, а также прилагательным *sikamlós*, которое в некоторых идиолектах употребляется в прямом значении в тех же случаях, что и *síkos*, а в некоторых – только переносно (развивая значение ‘неприличный, пошлый’). Лексема *csúszós* является основным средством описания скользких поверхностей, тогда как лексема *síkos* описывает поверхности, ставшие скользкими оттого, что они покрыты каким-либо посторонним веществом (чаще всего это заледенелая дорога, а также скользкая рыба, скользкая кожа змеи и пр.). Два других прилагательных – *sík* и *lapos* – описывают ровные обширные участки местности. При этом для прилагательного *lapos* исходным является значение ‘плоский, приплюснутый’ (о форме предмета), и по отношению к участкам местности оно используется реже, чем *sík*. В зоне отсутствия неровностей существует еще два прилагательных – *sima* ‘гладкий’ и *egyenletes* ‘ровный’ (обычно о поверхностях артефактов). Переносно *egyenletes* широко используется в контекстах равномерности, тогда как *sima*, во-первых, описывает отсутствие недостатков или затруднений (легко выполняемое действие, уверенную речь), во-вторых, в разговорном языке может выражать идею отсутствия отличительных качеств.

Зона наличия неровностей покрывается прилагательным *ráncos* ‘морщинистый, сморщенный’, а также прилагательными *érdes*, *kérges* и *durva*. Лексема *érdes* является доминантной для семантической области шершавых поверхностей, тогда как лексема *kérges* обозначает наличие на поверхности более крупных неровностей (наиболее часто сочетаясь с названиями частей

тела, особенно рук и ладоней), часто также указывая на то, что поверхность покрыта коркой (что логично в силу словообразовательной связи этого прилагательного с существительным *kéreg* ‘кора, корка’). Для прилагательного *durva* прототипическим контекстом в области прямых употреблений является грубая ткань. Кроме того, оно может описывать загрубелую кожу рук, будучи в этом случае взаимозаменяемым с *kérges*, а также в некоторых идиолектах покрывать фрейм поверхности с нерегулярными неровностями. Переносно прилагательное *érdes* описывает хриплый голос (обычно в том случае, когда он является постоянным свойством человека); *kérges* может характеризовать черствого, бесчувственного человека; *durva* развивает значения ‘грубый, невежливый’ и ‘грубый, некачественно сделанный’, а кроме того, в разговорном языке имеет широкую сочетаемость в контекстах высокой степени проявления признака или свойства либо интенсивности действия.

В **Разделе 4.9** освещаются данные **хантыйского** языка на материале четырех его западных говоров (сёла Белоярск, Шурьшкары, Мужи и Теги). Употребление лексем отсутствия неровностей демонстрирует в этих говорах большую вариативность, что обобщено в Таблице 1 (прочерк в таблице означает, что фрейм кодируется по какому-либо смежному признаку иной лексемой, не входящей в число признаков слов со значением отсутствия неровностей).

Таблица 1. Категоризация отсутствия неровностей в хантыйских говорах

Фреймы	с. Теги	с. Шурьшкары	с. Мужи	с. Белоярск
Скользкая опорная поверхность, покрытая льдом (заледенелая дорога)	wõl'æk	wõl'æk	wõl'æk	wõl'æk / ñäsl
Скользкая опорная поверхность, не покрытая льдом (мокрый пол)	wõl'æk	wõl'æk	wõl'æk	ñäsl
Скользкая подошва обуви / обувь	wõl'æk	wõl'æk	wõl'æk	ñäsl
Скользкий предмет, с трудом удерживаемый в руках (рыба, мыло)	wõl'æk	wõl'æk	–	ñäsl
Тактильно гладкие поверхности: части тела (щеки, кожа рук)	wõl'æk / –	–	–	pajli
Тактильно гладкие поверхности: артефакты, неодушевленные природные объекты (доска, камень)	wõl'æk / –	wõl'æk	pajli	pajli
Зрительно ровные поверхности (покос, дорога, пол)	pajli	pajli	pajli	pajli
Гладкая поверхность воды в водоеме	–	–	–	pajli / –

В зоне наличия неровностей рассмотренные хантыйские говоры устроены единообразно. Морщинистые и сморщенные поверхности описываются прилагательным *tõrtæŋ*, а шершавые – прилагательным *karæŋ*. Последнее прилагательное образовано от существительного *kar* ‘кора, корка’ и сохраняет с ним тесную связь, часто описывая предметы, покрытые какой-либо коркой, захватывая также другие контексты поверхностей с твердыми регулярными неровностями (язык кошки, точильный брусок и пр.), но не применяясь ни к нерегулярным неровностям, ни к объектам с мягкими неровностями.

Раздел 4.10 посвящен данным **ненецкого** языка (самодийская группа). Наиболее подробно рассмотрен приуральский говор, где доминантным средством описания скользких поверхностей является глагол *ñсада́ръць* ‘скользить, быть скользким’, а прилагательное *салът* ‘скользкий’

специализируется на фрейме скользящей опорной поверхности, покрытой льдом. Ровные и гладкие поверхности описываются прилагательным *салмуй*. В области наличия неровностей все типы морщинистых и сморщенных поверхностей характеризуются формами глагола *тынърць*, тогда как для других негладких поверхностей базовой лексемой является глагол *насортъсь* ‘быть шершавым’ (описывающий все их фреймы, кроме поверхностей с нерегулярными неровностями). Глагол *насортъсь*, кроме того, переносно описывает ощущения человека при контакте с тактильно воспринимаемыми объектами небольшого размера – когда человеку попала соринка в глаз, или камушек в ботинок, или волосы за воротник в процессе стрижки.

В **Разделе 4.11** уральский материал обсуждается в контексте современных представлений о типологической выборке. Традиционно⁴⁵ считается, что в выборку должны включаться генетически и ареально не связанные языки из большого количества семей и регионов: в этом случае можно получить выводы, претендующие на справедливость по отношению к человеческому языку в целом.

В последние годы получила распространение и так называемая внутригенетическая типология (*intragenetic typology*), где выборка объединяет большое количество родственных языков⁴⁶. Преимущества этого подхода состоят в том, что, во-первых, он позволяет обнаружить более тонкие и менее заметные на широкой выборке параметры межъязыкового варьирования; во-вторых, корректному анализу какой-либо конструкции в конкретном языке способствует изучение ее аналогов в родственных языках (уход же от такого изучения может привести к ошибкам в анализе); в-третьих, внутригенетическая типология представляет более системный материал для диахронической типологии; в-четвертых, изучение материала родственных языков может служить базой для дальнейшего исследования на более широкой выборке, основанного на сопоставлении детально обследованных языковых групп.

В ряде работ по лексической типологии тоже отмечалась осмысленность включения в выборку родственных языков в силу часто значительных расхождений в их лексико-семантической системе (выводы при этом были основаны на сопоставлении 2-4 родственных языков)⁴⁷.

Полученные нами данные десяти уральских языков, сопоставленные с данными по пяти языкам других семей, показывают, что исследование значительного набора родственных языков позволяет выявить дробную

---

⁴⁵ См., например, *Croft W. Typology and universals – Cambridge, 1990 (2nd edition – 2003); The World atlas of language structures. Online resource: <http://wals.info>; Bakker D. Language sampling // The Oxford Handbook of Linguistic Typology – Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 100 – 127.*

⁴⁶ См. о грамматической типологии *Kibrik A. E. Does intragenetic typology make sense? // Boeder W. et al. (eds.) Sprache in Raum und Zeit: Beiträge zur empirischen Sprachwissenschaft – Tübingen, 1998. Pp. 61 – 68; Kibrik A. E. In defence of intragenetic typology: evidence from clause coordination in Daghestanian languages // Eighth Biennial Conference of the Association for Linguistic Typology. Abstracts. 2009. Online publication: http://lsa2009.berkeley.edu/alt8/kibrik_aleksandr_abstract.pdf ; *Кибрик А. Е. Родственные языки как объект типологии // Кибрик А. Е. Константы и переменные языка – СПб., 2003. С. 191–195.**

⁴⁷ См., например, *Рахилина Е. В., Прокофьева И. А. Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // Вопросы языкознания, 2004, № 1. С. 60 – 78. Рахилина Е. В., Прокофьева И. А. Русские и польские глаголы колебательного движения: семантика и типология // Топоров В. Н. (ред.) Язык. Личность. Текст. Сб. к 70-летию Т. М. Николаевой – М., 2005. С. 304 – 314.*

структуру семантических противопоставлений в прямых значениях и существенное число метафор; при этом важно, что закономерности, выявленные на уральском материале, подтверждаются при его сравнении с языками других семей. Тем самым, наш материал демонстрирует, что изучение набора родственных языков оказывается безусловно релевантным для лексической типологии и может служить базой для дальнейшего более широкого типологического исследования.

В **Заключении** формулируются основные итоги работы.

1. В работе рассмотрены наименования качественных признаков, описывающие фактуру поверхностей, в десяти уральских языках (финском, эстонском, эрзянском, мокшанском, марийском, коми-зырянском, удмуртском, венгерском, хантыйском, ненецком). Результаты сопоставлены с данными языков других семей: русского, английского, испанского, корейского, китайского.

2. Определен набор фреймов, организующих исследуемую семантическую область: 15 фреймов для лексем отсутствия неровностей и 9 фреймов для лексем наличия неровностей (без учета тех случаев, когда в ситуации присутствуют очень конкретные типы неровностей, описываемые, например, русскими словами *бугристый*, *ухабистый*, *кочкастый* и пр.). Системы этих фреймов обобщены на семантических картах. Показано, что устройство семантических зон отсутствия неровностей и наличия неровностей носит асимметричный характер.

3. Исследование типологии переносных употреблений, развиваемых лексемами фактуры поверхностей, свидетельствует о системном характере их организации. Для каждой из крупных семантических зон выделены регулярно воспроизводимые модели семантических сдвигов:

- Лексеммы со значением 'скользящий' переносно описывают ненадежность объекта и реже быстроту и легкость выполнения действия.
- Лексеммы с семантикой 'гладкий' сдвигаются в обозначение отсутствия недостатков / затруднений либо отсутствия ресурса / отличительных качеств.
- Лексеммы, имеющие прямое значение 'ровный', метафорически передают идею равномерности, а также могут описывать малую интенсивность или отсутствие отличительных качеств
- Лексеммы наличия неровностей переносятся на обозначение наличия недостатков или затруднений и реже в область интенсивности действия.

4. Сопоставление уральского материала с данными языков типологического фона позволило установить, что:

- Исследование набора родственных языков выявило дробную структуру противопоставлений в прямых значениях и существенное число метафор.
- Общая структура противопоставлений в семантическом поле, выявленная на материале уральских языков, действует и для языков других семей.
- Основные модели семантических переносов в уральских языках и в языках других семей совпадают.
- Изучение набора родственных языков оказывается безусловно релевантным для лексической типологии и может служить базой для дальнейшего более широкого типологического исследования.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. *Кашкин Е. В.* Прилагательные, описывающие свойства поверхностей, в ижемском диалекте коми-зырянского языка (сопоставительно-типологическое исследование) // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН.* Т. VII, Ч. 3 – СПб., 2011. С. 302 – 307.
2. *Кашкин Е. В.* Свойства поверхностей как объект лексической типологии: направления и перспективы исследования (на материале некоторых уральских языков) // *Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin).* Вып. 1 (116), 2012. С. 51 – 55.
3. *Кашкин Е. В.* Категоризация фактуры поверхностей в западных говорах хантыйского языка: сопоставительно-типологическое исследование // *Урало-алтайские исследования, 2012, № 2 (7).* С. 26 – 38.
4. *Кашкин Е. В.* На пути к компьютерному анализу и синтезу семантики: опыт исследования эрзянских и удмуртских прилагательных, описывающих фактуру поверхностей // *Проблемы компьютерной лингвистики: Сборник научных трудов / под. ред. А. А. Кретьова.* – Вып. 5. – Воронеж, 2011. С. 137 – 153.
5. *Kashkin, Egor* Adjectives denoting surface texture in the Uralic languages: a typological study // *Graduate Conference on Areal Linguistics, Grammar and Contacts. Abstracts – Tartu, 2012.* P. 34.
6. *Кашкин Е. В.* Родственные языки как источник данных для лексической типологии и лингвистической прогностики (опыт исследования прилагательных фактуры поверхностей в уральских языках) // *Проблемы лингвистической прогностики: Сборник научных трудов / под. ред. А. А. Кретьова.* – Вып. 5. – Воронеж, 2012. С. 28 – 42.
7. *Кашкин Е. В.* Прилагательные, описывающие свойства поверхностей: к построению типологии (на материале прилагательных наличия неровностей в уральских языках) // *Guzmán Tirado R., Votyakova I. (eds.) Tipología léxica – Granada, 2013.* С. 123 – 129.